

На правах рукописи

Макарцев Максим Максимович

**Категория эвиденциальности
в пространстве балканского текста**
(на материале
болгарского, македонского
и албанского языков)

Специальность 10.02.03 — Славянские языки

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2010

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук
Институте славяноведения в Отделе типологии и сравнительного языкознания

Научный руководитель:

доктор филологических наук **Татьяна Владимировна Михайлова (Цивьян)**
(Институт славяноведения РАН,
Отдел типологии и сравнительного языкознания)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Фатима Абисаловна Елоева**
(Факультет филологии и искусств СПбГУ)

доктор филологических наук **Галина Парфеньевна Нешименко**
(Институт славяноведения РАН,
Отдел славянского языкознания)

Ведущая организация:

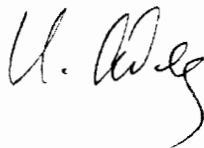
**Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург),
Отдел сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков**

Защита состоится **13 апреля 2010 г.** в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН (9-й этаж, к. 923)

Автореферат разослан 24 февраля 2010 г.
и размещен на сайте ИСл РАН: <http://www.inslav.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

И.Е. Адельгейм

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объект диссертационной работы — категория эвиденциальности в болгарском, македонском и албанском языках в рамках типологии балканского языкового союза. Самое общее определение эвиденциальности, принятое здесь, исходит из идей Р.О. Якобсона: «область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений» (Козинцева 1994: 92).

Предмет исследования — анализ грамматических и лексических маркеров категории эвиденциальности на парадигматическом и синтагматическом уровне и их рассмотрение в дискурсивном ракурсе - в перспективе *балканского текста*. Инвентарь грамматических и лексических маркеров не вызывает особых проблем — его установление является чисто технической задачей, но их семантика и функции вот уже более ста лет находятся в центре дискуссии (при том что лексические маркеры привлекли специальное внимание исследователей только в самое последнее время).

Балканский текст определяется как совокупность текстов на балканских языках, объединенных рядом существенных семантических и формальных признаков. *Балканский текст* представляет собой отражение балканской модели мира в языковом коде. В кругу чрезвычайно популярных в последнее время концептов модели и картины мира мы опираемся на московско-тартускую школу, в особенности на ее московскую часть. Статьи Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова в «Мифах народов мира» (1982) и другие их работы заложили основы этих концептов. В применении к балканскому ареалу они были развиты Т.В. Цивьян в книге «Лингвистические основы балканской модели мира» (Цивьян 1990), где, в частности, была высказана идея принципиальной нерегулярности применения грамматических маркеров эвиденциальности (что относится не только к балканскому языковому союзу) и было предложено перенести анализ в семиотическое пространство, пространство текста, в данном случае, *балканского текста*, отражающего, создающего балканскую модель мира и создаваемого ею.

Термин *пространство текста* восходит к работам В.Н. Топорова (прежде всего Топоров 1994), где определяется два логических полюса

соотношения пространства и текста: «текст пространствен (т. е. он обладает признаком пространственности, размещается в "реальном" пространстве <...>), и пространство есть текст (т. е. пространство как таковое может быть принято как сообщение)» (Топоров 1994: 17). Для настоящего диссертационного исследования наиболее актуален первый «логический полюс» — текст пространствен и в этом смысле динамичен. Если термин «структура текста» предполагает статичность восприятия (законченность текста), то дискурсивный термин «пространство текста» имеет в виду динамичность: текст, в частности, может рассматриваться в проекции на автора/исполнителя (*сказителя*) и предполагает возможность выбора его позиции по отношению к тексту (*вне* или *внутри*, ср. введение пространственно-временных координат в сказочных зачинах/концовках типа *и я там был* и т. п.). Излишне говорить, насколько тесно степень дистанцированности говорящего от текста связана с эвиденциальностью. Эвиденциальность на семиотическом уровне соответствует «оппозиции *внутренний/внешний* в разных ее воплощениях (в том числе «непрямом» и сугубо антропоцентричном — *видимый/невидимый*), что в конечном счете объединяется амбивалентностью и стремлением уйти от прямолинейного ответа *да/нет*» (Цивьян 1990: 164), см. уже упомянутую нерегулярность/непоследовательность применения эвиденциальных форм. Тем самым анализ эвиденциальности в семиотическом пространстве *балканского текста* помогает совершить обратный переход к уровню языка, к грамматике категории эвиденциальности.

Актуальность работы

На последние десятилетия (начиная с 1986, когда выходит сборник под редакцией У. Чейфа и Дж. Николс «*Evidentiality: the linguistic coding of epistemicity*»), и в особенности на последние годы приходится пик, можно сказать, «взрыв» интереса к эвиденциальности. Так, начиная с 2007 года, в Европе прошло 4 тематических конференции, посвященных эвиденциальности (Варшава, март 2007; Бамберг, февраль 2008; Ньюкасл, март 2008; Майнц, апрель 2009), а в наступающем году готовится еще одна (Вильнюс, сентябрь 2010). За последние 15 лет вышло 6 сборников по эвиденциальности (Guentchéva 1996; Johanson, Utas, 2001; специальный номер *Journal of pragmatics* 33, 2001; Aikhenvald,

Dixon, 2003; Guentchéva, Landaburu, 2007; Wiemer, Plungjan, 2008) и важная монография А. Айхенвальд «Evidentiality» (Aikhenvald 2004). Из исследований по эвиденциальности на балканском материале особо отметим работы В. Фридмана (см., напр., Фридман 2009 с основной библиографией).

Спектр «эвиденциальных тем» не только более чем разнообразен, но и постоянно расширяется: грамматическая эвиденциальность и ее связь с другими глагольными категориями; инвентарь и употребление свидетельских/несвидетельских форм в отдельных языках в типологическом ракурсе; прагматика эвиденциальности; эвиденциальные стратегии; эвиденциальность и дискурс; эвиденциальность в культурно-антропологической перспективе и т. д. Совсем недавно активно стала разрабатываться тема связи лексических и грамматических маркеров категории эвиденциальности, и здесь упомянем проект по созданию базы данных для лексических эвиденциальных маркеров в европейских языках, которым руководит Б. Вимер (Университет Иоганна Гутенберга, Майнц).

Успехи когнитивной лингвистики не могли не коснуться категории эвиденциальности как в высшей степени благодарного поля для семантической интерпретации. Список категорий, прямо или косвенно связываемых с КЭ по семантическим признакам, расширяется до необозримости. Это прежде всего разные оттенки эпистемической модальности, адмиратив, дубитатив, конклюдив, дейксис в широком смысле, и многое другое.

Категория эвиденциальности обычно не включается в список балканизмов, восходящий еще к работе К. Сандфельда (Sandfeld 1930), поскольку она отсутствует в греческом, а в румынском представлена в крайне ограниченном виде (т. наз. *презумптив*). В последнее время эвиденциальность зафиксирована также в некоторых диалектах арумунского и мегленорумынского, а также в сливенском диалекте балканского цыганского. В настоящей работе категория эвиденциальности рассматривается как частичный балканизм (ср. Асенова 2002: 75), выделяющий (трехчленный) фрагмент балканского языкового союза.

Эвиденциальность вполне вписывается в давно постулированное представление о балканских языках как синтетически простых и

аналитически сложных. Если формальный инвентарь эвиденциальности более чем экономен, то ее интерпретация на синтагматическом уровне преподносит много загадок. Одна из них — определение правил употребления соответствующих форм, которые **не** появляются там, где их ждут. Это тот неуловимый *бужим* (*boojim*, вымышленное животное из «Поэмы о снарке» Льюиса Кэрролла, охотники на которое бесследно исчезают), которому уподобил эвиденциальность один из ведущих балканистов Виктор Фридман. Перед нами стояла задача, как, описав эти формы, найти, если не правила, то закономерности их употребления в текстах. Очевидно, что надо было выбрать соответствующий ракурс.

Цель и задачи исследования

Цель диссертации — определить правила функционирования категории эвиденциальности в тексте и описать их с точки зрения концепции балканской модели мира.

Для достижения поставленной цели было необходимо решить ряд задач:

1. Описать систему грамматических эвиденциальных маркеров. Этому посвящена первая глава диссертации «Грамматические маркеры эвиденциальности»;
2. Описать систему лексических эвиденциальных маркеров и их функционирование совместно с грамматическими маркерами. Этому посвящена вторая глава диссертации «Лексические маркеры эвиденциальности»;
3. Описать место лексических и грамматических маркеров в структуре текста. Этому посвящена третья глава диссертации «Функции категории эвиденциальности в пространстве текста».

Методы исследования

В диссертации совмещается лингвистический и семиотический анализ. Мы переходим от парадигматики к синтагматике, от системы языка к реализации этой системы в тексте, стремясь найти различие в сходном и сходное в различном — в соответствии с основными конструктивными принципами балканского языкового союза и балканской модели мира.

Материал исследования

Материал исследования — тексты на болгарском, македонском и албанском литературных языках и их диалектах, написанные/записанные, начиная со второй половины девятнадцатого века до наших дней. Эти тексты были представлены в виде электронных корпусов (отдельно по языкам), что позволило провести их точную статистическую оценку. Кроме того, использованы результаты проведенного нами лингвистического эксперимента, о котором будет сказано чуть дальше.

Теоретическая значимость работы

Теоретическая ценность работы заключается в том, что категория эвиденциальности исследуется на материале фрагмента балканского языкового союза с использованием ранее не использовавшихся при таком анализе лингвистических методов, что позволяет достичь нетривиальных результатов. Было показано современное состояние КЭ в балканских языках и влияние дискурсивных факторов на ее функционирование. Во всей работе к болгарским, македонским и албанским языковым фактам применяется единая теоретическая база, что позволяет достичь единообразия в описании. В первой главе по-новому представлена система грамматических маркеров категории эвиденциальности, учитывающая последние теоретические разработки по каждому из рассматриваемых языков. Во второй главе впервые описывается система лексических маркеров балканских языков и ее взаимодействие с грамматическими маркерами (до сих пор появлялись исследования только по отдельным фрагментам этой системы). В третьей главе объединяются методы дискурсивного и семиотического анализа текста, что позволяет интерпретировать функционирование эвиденциальности там, где ранее это было невозможно делать.

Практическая значимость работы

Практическая ценность работы определяется приложимостью ее результатов в процессе обучения современным балканским языкам. В частности, основные положения диссертации используются автором при преподавании болгарского языка как иностранного (МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет журналистики, весенний семестр 2007 г.; Российская международная академия туризма, осень 2007-весна

2008; Государственная академия славянской культуры, осень 2007 - по наст. вр.; Интенсивные курсы славянских языков, сентябрь 2009 - по наст. вр.). Ряд теоретических положений диссертационной работы был использован при написании разделов «Справочника по грамматике болгарского языка» (Макарцев, Жерновенкова 2010а), «Справочника по глаголам болгарского языка» (Макарцев, Жерновенкова 2010б) и «Учебника болгарского языка» (в печати). Три созданных нами языковых корпуса (болгарский, македонский и албанский) уже используются международным коллективом ученых, работающих над созданием базы данных по эвиденциальным маркерам в европейских языках. Приложения к работе имеют самостоятельную ценность. В частности, словарь эвиденциальных и эпистемических маркеров (Приложение I) может быть использован в лексикографической работе. Указатель версий «Баллады о мертвом брате» с начальными и конечными строками (Приложение III) учитывает проведенную нами большую библиографическую работу с редкими публикациями. Три ранее не переводившихся на европейские языки албанские версии «Баллады...» в близком к тексту пересказе (МБ 85, МБ 86, МБ 87; Приложение IV) представляют собой самостоятельный интерес для фольклористов. В качестве результата лингвистического эксперимента были получены восемь переводов текста МБ 80 на болгарский язык, четыре перевода на македонский и семь — на албанский. Этот материал может служить для сопоставительных исследований по грамматике балканских языков.

Апробация работы

Основные положения диссертации были представлены в докладах и выступлениях на XXXVI, XXXVII и XXXVIII Международных филологических конференциях (СПбГУ, 2007, 2008, 2009), на конференции «Кельтская Церковь» (МГУ, 2007); на XXXIV научной лингвистической конференции (Охрид, 2007); на Славистических чтениях (София, 2008); на XVI Североамериканской конференции по южнославянским и балканским языкам (Калгари, Канада, 2008); на VI Ежегодной научной сессии Нью-Йоркско-Санкт-Петербургского Института когнитивных и культурологических исследований (СПбГУ, 2008); на Междисциплинарном форуме болгарских и российских ученых (Русе, Болгария, 2008); на X Балканских чтениях (ИСл РАН, 2009); на

круглом столе «База данных по эвиденциальным маркерам в европейских языках» (Майнц, Германия, 2009) и на X съезде МАЮВЕ (Париж, Франция, 2009), а также в 10 публикациях общим объемом 10 а.л., в том числе в двух публикациях в журналах из списка ВАК.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из **введения, трех глав, заключения, библиографии** (более 300 позиций) и **10 приложений**, включающих информацию справочного характера: словарь балканских эвиденциальных и эпистемических маркеров балканских языков (Приложение I); толкование анализируемых в работе маркеров по толковым словарям (Приложение II); указатель фольклорных песен, используемых в работе (Приложение III); близкий к тексту пересказ трех албанских версий «Баллады о мертвом брате» (Приложение IV) и материалы лингвистического эксперимента (Приложения V–VIII). Во введении определяются актуальность выбранной темы, цель, задачи, объект и материал исследования. Первая глава «Грамматические маркеры эвиденциальности» посвящена грамматическому уровню, т.е. описанию структуры глагольных форм, обслуживающих категорию эвиденциальности. Во второй главе «Лексические маркеры эвиденциальности» дается не только список и анализ лексических маркеров, но и их взаимная дистрибуция с грамматическими маркерами. В третьей главе «Функции категории эвиденциальности в пространстве текста» анализ переходит на синтагматический уровень: рассматривается дискурсивный аспект категории эвиденциальности на материале *балканского текста*. Заключение подытоживает результаты работы.

В **первой** главе описываются системы грамматических маркеров эвиденциальности болгарского, македонского и албанского глагола. В болгарском и македонском выделяются три вида глагольных форм: свидетельские, несвидетельские (далее — СФ и НСФ) и нейтральные. В качестве исходной взята концепция В. Станкова для болгарского языка (Станков 1967; он пользуется терминами «личноизказни», «преизказни» и «неутрални форми»), позже с оговорками принятая В. Фридманом и для македонского языка (он использует термины «confirmative», «non-

confirmative» и «neutral»). Свидетельские формы используются для рассказа о засвидетельствованных событиях, несвидетельские — для рассказа о незасвидетельствованных, а нейтральные можно употреблять в любом контексте. Например:

- 1) СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ФОРМЫ: *Иван замина_(АОР) — аз го изпратих_(АОР) на гарата* (Ницолова 2008: 322)

Иван уехал — я проводил его на вокзал.

- 2) НЕСВИДЕТЕЛЬСКИЕ ФОРМЫ: *Taa se ограничи на неколку кратки и суви отговори. Ja викале_(ДМПР.ЕВ.) Донка... Мужот отишол_(АОР.ЕВ.) в град, отаде во туѓина, таму се преженел_(АОР.ЕВ.), заборавил_(АОР.ЕВ.) на неа* (К. Чашуле, по Усикова 2003: 219).

Она ограничилась несколькими краткими и сухими ответами. Ее звали Донка... Муж уехал в город, оттуда в чужие края, там женился еще раз, забыл ее.

- 3) НЕЙТРАЛЬНЫЕ ФОРМЫ: *Pastaj ai vonoi_(АОР) shumë, shumë më tepër nga ç'duhej_(ДМПР.), por roja kishte_(ДМПР.) urdhër të priste_(ДМПР.СОЛ.) gjer në agim. Në mëngjes në shtëpi nuk kishte_(ДМПР.) asnjeri dhe asnjeri nuk mori_(АОР) vesh ku shkoi_(АОР) koloneli Z. <...> Të gjitha këto ai i tha_(АОР) copa-copa, me fraza të ndërprera, qe' i binin_(ДМПР.) si vare në kokë.* (Kadare, Gjenerali i ushtrisë së vdekur)

Затем он задержался очень, очень сильно, сильнее, чем должен был, но у охраны был приказ ждать до рассвета. Утром в доме не оказалось никого, и никто не знал, куда ушёл полковник З. Всё это он рассказал сбивчиво, путано, обрывками фраз, которые отзывались в голове ударами молота.

В болгарском языке к свидетельским формам относятся свидетельские аорист, имперфект, плюсквамперфект, будущее в прошедшем и будущее предварительное в прошедшем. К нейтральным — настоящее, перфект, будущее и будущее предварительное. К несвидетельским — несвидетельские аорист, имперфект, перфект, будущее и будущее предварительное. Болгарские НСФ настоящего времени образуются по той же модели, что и перфект: к л-причастию

полнозначного глагола, присоединяется глагол-связка *съм* ‘быть’; которая в третьем лице (в отличие от перфекта), как правило, опускается. Все остальные болгарские НСФ образуются по сходным моделям.

Во многих случаях перфект оказывается омонимичен НСФ. Здесь уместно напомнить слова Бенвениста о том, что перфект является «временем, и вместе с тем чем-то иным, чем время» (Бенвенист 1974: 280), что кроется в его изначальной амбивалентности. То, что перфект выражает состояние как результат прошедшего действия, «объясняет и семантику гипотетичности, имплицитно содержащуюся в глагольных формах перфекта. Поскольку действие произошло в прошлом, а автор коммуникации (1-е лицо) является лишь свидетелем состояния как результата этого действия, это последнее воспринимается им как акт, совершенный вне его присутствия, как некоторое гипотетическое событие, о котором он судит только по результатам этого действия» (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 33).

Категория эвиденциальности в македонском достаточно близка болгарской и по набору оппозиций, и по формам, однако оговорки требуют статус перфектов, которых в македонском языке три — перфект I (*сум дошол* ‘я пришел’, по модели ‘быть’ + л-причастие), перфект II (*имаам дојдено* ‘то же’, по модели ‘иметь’ + причастие на *-н/-т*) и перфект III (*сум дојден* ‘то же’, по модели ‘быть’ + причастие на *-н/-т*). Если перфект II и перфект III — нейтральные формы, и они имеют соответствующие несвидетельские формы (*имал дојдено, бил дојден*), то перфект I принципиально амбивалентен, поскольку его нейтральная форма совпадает с несвидетельской формой аориста:

4) *Не си бил_(PERF) одамна кај мене* (Конески 1967: 467)

Ты давно не был у меня.

5) *Таа се ограничи на неколку кратки и суви отговори. Ја викале_(IMP. EV.) Донка... Мажот отишол в град, атаде во туѓина, таму се преженил_(AOR. EV.), заборавил_(AOR. EV.) на неа.*

Она ограничилась несколькими краткими и сухими ответами. Ее звали Донка... Муж ухеал в город, оттуда в чужие края, там женился еще раз, забыл ее (К. Чашуле, по Усикова 2003: 219)

В албанском языке всего два ряда форм — нейтральные и несвидетельские. Албанские несвидетельские формы также восходят к перфекту. Несвидетельская форма настоящего времени представляет собой инвертированный перфект с апокопированным причастием, ср. перфект (*kam shkruar* ‘он написал’, форма образована по модели «вспомогательный глагол *kam* ‘иметь’ + причастие полнозначного глагола *shkruaj* ‘писать’) и НСФ настоящего времени: *shkruaka* < *shkruar ka. Все остальные албанские НСФ образуются по этой модели.

Таким образом, между несвидетельскими формами в рассмотренных языках было обнаружено большое количество схождений. Несвидетельские формы в болгарском, македонском и албанском восходят к формам перфекта и состоят из двух элементов: вспомогательного глагола *съм/сум/jam*¹ ‘быть’ и причастия (в болгарском и македонском — причастия на л). Механизм образования новых несвидетельских форм во всех трех языках сходен, ср.:

	<i>Уыл</i>	<i>f(y)</i>	<i>f(f(y))</i>
Макед.	<i>пишеи</i> _(PRES)	<i>пишел си</i> _(PRES; IMP; E; PERF)	<i>бил си писал</i> _(PRES; E; PLUSQ; E;)
болгарск.	<i>пишеи</i> _(PRES)	→ <i>си пишал</i> _(PRES; E; IMP; E; PERF)	→ <i>си бил пишал</i> _(PRES; E; PLUSQ; E;)
албанск.	<i>shkruan</i> _(PRES)	<i>shkruake</i> _(PRES; E;)	<i>paske shkruar</i> _(PRES; E;)

На синтагматическом уровне мы имеем дело с противоречивой, но характерной и для языка как такового, и для балканского языкового союза ситуацией: яркие албанские формы употребляются исключительно редко, а болгарские и македонские НСФ, часто омонимичные перфекту, и, строго говоря, однозначно определяемые только для 3-го лица, гораздо более фреквентны, хотя, напомним, не регулярны.

Список значений, которые принимают несвидетельские формы в болгарском, македонском и албанском языках, практически совпадает (адмиративность, конклюдивность, репортативность и эпистемическая оценка присутствуют в списке значений и болгарских, и македонских и албанских НСФ; констатация состояния и результативность характерны

¹ Глагол *jam* ‘быть’ также используется, но только для возвратного залога.

только для болгарских и македонских форм, хотя могут передаваться также северноеггскими НСФ).

Пока мы исходим из установления самых общих значений НСФ: передача чужого сообщения и выражение эмоции – удивления, т. е. реакции на неожиданную информацию (адмиратив). Эти основные значения совпадают, но имеют разный экстенционал, что в итоге меняет общую картину. В болгарском и македонском первом значении НСФ является передача информации, полученной из вторичного источника, адмиратив отходит на второй план. Напомним при этом, что первым фундаментальным описанием этой категории в балканских языках была статья «Адмиратив в болгарском» Густава Вайганда (Weigand 1925), что понятно — значение адмиратива очень яркое, на уровне речи еще и подкрепляемое интонацией, и его, так сказать, проще заметить. В албанском адмиративность выходит на первый план. Но остается вопрос, отражает ли эта ситуация языковую реальность или уровень грамматических описаний?

Во второй главе, «Лексические маркеры эвиденциальности», рассматривается набор лексических маркеров эвиденциальности в балканских языках и особенности их употребления в одном контексте с грамматическими маркерами. Лексический способ выражения эвиденциальности можно причислить к универсалиям, однако в балканских языках лексический способ выражения сосуществует с грамматическим, что и усложняет картину, и делает ее более интересной с точки зрения взаимной дистрибуции маркеров.

В работе предлагается возможно более полный список лексических маркеров эвиденциальности, составленный на основе толковых и двуязычных словарей балканских языков, а также работ предыдущих исследователей. В списке выделены *знаменательные слова* (подробно рассмотрены нейтральные глаголы речи – болг. *казвам/кажа*; македонск., *кажува/каже*, *вели*, *рече*; албанск. *them* ‘говорить/сказать’), и *дискурсивные слова* (термины Т.М. Николаевой) (подробно рассмотрены болг. *кай* ‘говорит’, *май* ‘как будто’, *според* ‘согласно’; македонск. *демек* ‘значит, якобы, вроде бы’, *гоа* ‘якобы, вроде бы’, *наводно* ‘как говорят’, *според* ‘согласно’; албанск. *demek* ‘значит, якобы, вроде бы’, *gjoja* ‘якобы, вроде бы’, *kinse* ‘то же’, *sikur* ‘якобы’, *sipas* ‘согласно’). В традиционной частеречной классификации их относят к частицам.

предлогам, союзам, наречиям, часто непоследовательно. Поэтому здесь было сочтено разумным вывести их в пространство *партикул*.

Отметим, что если в болгарском и в албанском нейтральный глагол речи только один, то в македонском их три, причем только *кажува/каже* представляет собой видовую пару; *вели* не имеет видовой пары совершенного вида, а *рече* — несовершенного, т. е. на этот раз на первый план выдвигается аспектуальность.

Поскольку лексический уровень наиболее проницаем для заимствований, списки лексических маркеров эвиденциальности в рассматриваемых языках во многом совпадают (при разных путях совпадений: прямое или опосредованное заимствование). Это подводит к теме проницаемости языков для грамматической эвиденциальности, что впервые отметил Б. Джозеф: если в одном языке появляется грамматикализованная эвиденциальность, то, скорее всего, она возникнет и в соседних языках ареала (Joseph 2003).

Каждый из рассмотренных лексических маркеров эвиденциальности может выражать комплекс значений: репортативное и конклюдивное (болгарское *май*), конклюдивное и эпистемическое (македонск. *демек*, албанск. *demek*), репортативное и эпистемическое (македонск. *foa*; албанск. *gjoja, kinse*). К этому примыкает и албанский эпистемический показатель *sikur*, который часто используется в опативном значении.

Основное, что нас интересовало во второй главе — взаимная дистрибуция НСФ и лексических маркеров эвиденциальности, и особенно — их одновременное употребление, что, с одной стороны, можно трактовать как усиление, а с другой — как плеонастическое удвоение, в принципе характерное для балканских языков (и здесь можно вспомнить, в частности, местоименную репризу). Приведем пример плеонастического употребления маркеров:

- б) *Ректора, **кай** (1), не го остава_(PRES) (2). Не може_(PRES) (3), **кай** (4), казаш_(AOR EV) (5) му, за три месеца, да станеш (6) доктор, **кай** (7). А бе как да не може, кога то момчето знае...* (Константинов, Бай Ганьо).
Ректор, **говорит**, не оставляет его. Нельзя, **говорит**, сказал ему, за три месеца стать врачом, **говорит**. А как так нельзя, когда парень знает...

В этом примере героя речь молодого человека («парня») в передаче рассказчика (Бая Ганю) отмечена сразу и при помощи НСФ (несвидетельский аорист *казал*), и при помощи лексического маркера (*кай*, дискурсивное слово со значением 'говорит'), который употребляется три раза.

Введение понятий *аналитическое/холистическое прочтение*, заимствованных у П. Кехайова (Кегајов 2008), позволило описать значения лексических и грамматических маркеров при их совместном употреблении. При аналитическом прочтении мы рассматриваем значения лексического и грамматического маркера по отдельности (например, лексический маркер имеет эвиденциальное значение, а грамматический — эпистемическое), а при холистическом — вместе (например, и лексический, и грамматический маркеры передают только одно эвиденциальное значение). В болгарском при холистическом прочтении на первый план выходит эпистемическая оценка (достоверность/недостоверность), а в македонском — видо-временные оппозиции². Предварительный подход к проблеме межбалканского перевода (§ 2 второй главы) позволяет указать на возможность разной трактовки конструкций с лексическими и грамматическими маркерами в зависимости от выбора аналитического/холистического прочтения. В частности, показано, что албанской конструкции «*gjoja*_{Ер-Ев} + Neutr», которую целесообразно прочитывать холистически (лексический маркер *gjoja* совмещает и эпистемическое, и эвиденциальное значение), в македонском соответствует конструкция «*наводно*_{Ев} + НСФ_{Ер}», которую целесообразно прочитывать аналитически: лексический маркер *наводно* отвечает за репортативный компонент значения, а НСФ — за эпистемический.

Постепенно мы приближаемся к уровню речи, в данном случае к тексту. Как категория эвиденциальности манифестируется в тексте? В **первой главе** мы попытались показать, что семантика грамматических форм эвиденциальности, при всей своей сложности, может быть описана достаточно точно. В **второй главе** мы, перейдя на уровень лексики,

---

² В литературном албанском языке несвидетельские формы употребляются исключительно редко, поэтому поиск по текстам дает крайне незначительный объем материала.

попытались показать, как грамматические маркеры эвиденциальности сочетаются с лексическими. Если в первой и второй главах акцент ставился на уровне языка (в первой главе — грамматика, во второй — лексика), то в третьей мы перешли к анализу текста как такового. Оказалось, что всё, что было выявлено в первых двух главах на материале парадигматики, проявляется и на синтагматическом уровне.

Третья глава посвящена «Функциям категории эвиденциальности в пространстве текста». Если в первой и второй главах акцент ставился на уровне языка, парадигматическом и синтагматическом (в первой главе — грамматика, во второй — лексика), то в третьей мы перешли к анализу текста как единого целого. Этим обусловлен и выбор материала для исследования. Было сочтено возможным выбрать один яркий, в определенном смысле уникальный балканский текст, существующий в разных версиях на болгарском, македонском и албанском языках — «Баллада о мертвом брате». Сюжет «Баллады...» кратко можно изложить следующим образом: «У матери 9 (чаще всего) сыновей и 1 дочь. Братья, или один из них, против воли матери отдают сестру замуж на чужбину. Они обещают матери по первой ее просьбе привести сестру обратно. После ухода сестры все братья умирают от болезни или погибают на войне. Оставшись одна, мать требует у братьев исполнения обещания. Один из братьев (редко все) встает из могилы и идет за сестрой. На обратном пути сестра по некоторым признакам (одежда брата в пыли и плесени, он отказывается пить и есть) или по указанию птиц («мертвый ведет живую») прозревает или начинает подозревать правду, но брат разубеждает ее. Перед домом он оставляет сестру одну, а сам возвращается в могилу. Сестра стучит в дверь. Мать не узнает ее и не впускает. Сестре удается уговорить мать, та открывает дверь, выходит, они обнимаются и падают мертвыми или превращаются в птиц» (Цивьян 1973). Сюжет «Приход мертвого брата» известен только на Балканах; в Европе распространен другой вариант: «Приход мертвого жениха» (АТ 365; здесь можно вспомнить «Ленору» Бюргера, которая была переложена на русский Жуковским).

При выборе именно «Прихода мертвого брата» сыграли свою роль сразу несколько факторов. Для лингвистической работы, анализирующей «пространство балканского текста», актуальны те сюжеты, которые связаны с идеей пространства, в частности, с границей и путем (т. е. с

предикатами движения). Представляется, что из сюжетов такого рода именно указанный актуализирует эти темы наиболее отчетливо. Кроме того, важно было, чтобы текст для анализа был доступен в максимально большом количестве версий. «Баллада о мертвом брате» отвечает этому критерию, поскольку, начиная с хрестоматийной работы И. Шишманова, этот сюжет всегда пользовался особым вниманием исследователей и собирателей. Выводы делаются на основе доступных нам 97 болгарских, 27 македонских и 26 албанских текстов.

Мы рассматриваем то, как в тексте ведут себя грамматические и (в меньшей степени) лексические маркеры эвиденциальности. На основе собранного материала предложен опыт описания структуры текста «Баллады...» в виде последовательности из IX эпизодов:

- I. Экспозиция и введение персонажей
- II. Сватовство и свадьба
- III. Смерть братьев
- IVa./IVb. Проклятие брата матерью / Призывание брата сестрой
- V. Восстание из гроба [и метаморфозы мертвого брата]
- VI. Встреча с сестрой
- VII. Путь домой. Приметы смерти: слова птиц, могильный запах и др.
- VIII. Исчезновение брата [и путь сестры до дома матери]
- IX. Встреча матери и сестры и их смерть.

Это описание позволяет показать распределение НСФ и СФ в пространстве текста и указать особую роль границы эпизодов. Говорить о регулярности здесь, пожалуй, нельзя. НСФ на фоне СФ (и наоборот) появляются не столько как указатели на источник информации (или дистанцирование от нее), сколько как *Grenzsignale*. Особенно важны зачин и концовка, обычно клишированные. Есть зачины, в которых всегда используются только НСФ (например, болгарск. *Имала майка имала; Де се е чуло, видяло; Хранила е майка, гледала; македонск. Попитале...*). В клишированной концовке по модели «Они обнялись живыми и отпустили друг друга мертвыми» также используются НСФ. Кроме зачина и концовки обычно маркируются стыки эпизодов. Чтобы пояснить это, приведем болгарскую версию «Баллады...», записанную в Карловско в 1977 г. (поскольку нас интересует только речь

автора/исполнителя/сказителя, речъ героев исклучена; жирным шрифтом выделены НСФ, курсивом — СФ):

- I. ЭКСПОЗИЦИЯ (НЕТ).
II. СВАТОВСТВО И СВАДЪБЛА
1 **Заискали са** Неделя,
Неделя, йегне баюва,
от камънлива Клисура.
Сички Неделя *давая*,
5 майка Неделя не дава,
братец я Лазар най дава,
той майка си преговаря:
<...>
15 Мама Лазару *послуша*,
па си Неделя там **дали**.
III. СМЕРТЬ БРАТЬЕВ
Като Неделя **извели**,
черната чума **увляля**,
та ми *умори* Недели,
20 Недели девеття брата,
Недели осемтя снаи
и осем мъжки унучки.
IVa. ПРОКЛЯТИЕ МАТЕРИ
Неделината майчица ката ден
оди в гробища,
25 на осем гроба прелива,
прелива и оплакува,
на деветия проваля:
<...>
V. ВОССТАНИЕ ИЗ ГРОБА И
МЕТАМОРФОЗЫ БРАТА
31 И Лазару *са нажали*,
на клето сърце *намили*.
Лазар из гробът *продума*,
той *са* на Богът *помоли*:
<...>
та са със него *зрависа*
55 и му ръкът целува,
па на Лазара *думаше*:
<...>
62 Лазар Недели *думаше*:
<...>
70 И Неделя го *послуша*,
па са с Лазара тръгнаха.
VII. ПРИМЕТЫ: СЛОВА ПТИЦ,
МОГИЛЬНЫЙ ЗАПАХ И ДР.
Вървели, що са вървели,
минали гора зелена,
настали в поле широко,
75 в полето дърво високо
и под дървото кладенче.
Де са й зело лятно пиле,
лятно пиле, шарен сокол,
то ми *кацна* на дървото,
80 па ми *запя* жално-милно,
като пее дури дума,
дури дума, дур казува:
<...>
86 Неделя кае Лазару:
95 **Вървели, що са вървели,**
стигнаха в нови гробища.
VIII. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БРАТА
Лазар Недели *думаше*:
<...>
102 Като Неделя *отмина*,
Лазар във гробът *увлезе*.
Доде **е** в село **стигнала**,
105 **се са** надзад **извивала**,
Лазар го няма никакъв.

- 41 Де *седя* Господ, де *слуша*,
 даде му Господ,
 даде му от носилки врано
 конче,
 от ветрилки бяло лице;
 45 от кръстът жълта бъклица.
 Па ми *са качи* на конче,
 у Неделини *отиде*.

VI. ВСТРЕЧА С СЕСТРОЙ

- Като в селото *увлязъл*,
 сряд мегдан оро играе,
 50 Неделя оро *водеше*.
 Тя като *видя* Лазара,
 кръстом оро *кръстоса*
 и при Лазара *отиде*,

IX. ВСТРЕЧА МАТЕРИ И ДОЧЕРИ И ИХ СМЕРТЬ

- Тя до майчини *стигнала*,
 на нови порти *почука*:
 <...>
 110 Майка от къщи *викаше*:
 <...>
 116 Неделя мами пак *кае*:
 <...>
 120 Майка й навънка *изляла*.
 тя и портите *отвори*.
 Като *са двете видели*,
 от милост *са прегърнали*,
 та ги мрътви *разгърнали*.

Как видно, абсолютное большинство НСФ появляются либо непосредственно перед границей эпизода, либо непосредственно после нее (все такие места выделены), то есть, в точках, существенных с точки зрения структуры текста.

Албанский материал дал нам возможность провести анализ функционирования НСФ в дискурсивном аспекте на фоне всех остальных глагольных форм. Оказалось, что НСФ (а также настоящее историческое) в некоторых албанских песнях являются формами первого плана, перфект и аорист нейтральны с точки зрения оппозиции первый план/фон, а имперфект, инфинитив и деепричастные формы с *tuj/tue* являются формами фона. Эти дискурсивные особенности употребления разных форм осознаются говорящими и используются ими в качестве дополнительного стилистического средства.

Наше первое знакомство с «Балладой...» на материале албанского прозаического текста, записанного в конце XIX в. в Македонии и переведенного на болгарский К. Шапкаревым, подсказало идею лингвистического эксперимента, цель которого — выяснить, каким образом носители современных балканских языков будут использовать грамматические и лексические маркеры эвиденциальности. Нашей задачей было получить тексты, сопоставимые с теми, которые мы

анализировали, и выяснить, будут ли в них действовать те же правила функционирования КЭ, что и в фольклорных текстах. Из нескольких возможных способов мы остановились на письменном переводе. Текст «Баллады...» (албанская прозаическая версия, записанная К. Шапкаревым от жительницы с. Крушово в конце XIX века) была переведена на английский, итальянский, русский и сербский языки в соответствии с тем, какой язык был предпочтителен для информанта, а затем предложен носителям балканских языков для обратного перевода. Оказалось, что носители литературных балканских языков также ощущают потребность маркировать определенные точки в тексте (зачин и стыки между эпизодами), и используют для этого НСФ. Так, например, в одном из переводов на македонский язык первые четыре эпизода «Баллады...» оказались целиком выдержаны в НСФ, а весь остальной текст — в СФ. Вот как это прокомментировала переводчица: «Я думаю, что на том месте, где я начала использовать аорист, я почувствовала, что введение в сказку закончилось, и что за этим следует само происшествие, которое нужно рассказать более живо, более близко к слушающему, более экспрессивно. И поэтому я перешла на непересказывательные формы».

Итак, среди основных результатов диссертации наиболее важными представляются следующие:

— составлено описание инвентаря грамматических и лексических маркеров болгарского, македонского и албанского языков и анализ правил их употребления;

— дан анализ взаимной дистрибуции и совместного использования лексических и грамматических маркеров эвиденциальности в дискурсе на болгарском, македонском и албанском языках;

— дан анализ дискурсивного аспекта КЭ и показано, как КЭ функционирует в тексте.

Предметом диссертации был анализ частичного балканизма, объединяющего трехчленный фрагмент балканского языкового союза (болгарский, македонский и албанский языки) грамматической категорией эвиденциальности. Причин такого объединения мы не касались, оставаясь на чисто типологическом уровне и в кругу грамматики балканского языкового союза. Но нельзя не подчеркнуть своеобразие этого объединения: два близкородственных, в каком-то

смысле предельно близкородственных славянских языка и особняком стоящий албанский. Крайне интересно видеть процессы «расхождения с ближним» и «схождения с далеким», т.е. разнообразие комбинаций, как ожидаемых, так и неожиданных. Нам важно было определить «балканскость» этого явления. Мы предполагаем, что она выражается не столько в материальном наборе соответствующих средств (хотя нельзя не подчеркнуть характерную для БЯС экономию), сколько на дискурсивном уровне, где уход от дихотомии, стремление к амбивалентности, почти нелогичность, установка на вариативность вполне соответствуют балканской модели мира и ее лингвистическим основам.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

- **в изданиях по списку, утвержденному ВАК РФ:**

1. *Макарцев М.М.* Категория эвиденциальности в балканских языках: современный взгляд на проблему // *Славяноведение*. № 2, 2009. С. 74–90.
2. *Макарцев М.М.* XVI конференция по балканистике и югославистике // *Вопросы языкознания*, № 2, 2009. С. 148–151.

- **в других научных изданиях:**

3. *Макарцев М.М.* The elusive evidential in translation // *Proceedings of the 16th Balkan and South Slavic Conference*. University of Calgary, 2007. (www.ucalgary.ca/~omladeno.html) 0,1 а.л.¹
4. *Макарцев М.М.* Новая книга по балканистике (*Марјан Марковиќ. Ароманскиот и македонскиот говор од охридско-струшкиот регион (во балкански контекст). Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2007. 187 с., с илл.*) // *Общеславянский лингвистический атлас*. Москва, 2008. С. 194–200.
5. *Макарцев М.М.* К вопросу о связи лексических и грамматических показателей эвиденциальности в болгарском языке // *Wiemer, B. und V.A. Plungjan (Hg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen* (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72). München – Wien 2008. S. 239–284.
6. *Макарцев М.М.* XVI конференция по балканским и южнославянским языкам и культурам // *Балканско езиковедство XLVII (2008)*, 2–3. С. 199–206.

7. *Макарцев М.М.* Финал баллады о мертвом брате: пересказ, переключение кода и превращение // И.А.Седакова (отв. ред.), М.М.Макарцев, С.А.Сиднева, Т.В.Цивьян (ред.). Переходы. Перемены. Превращения. Балканские чтения 10. Тезисы и материалы. М., 2009. С. 169–176.
8. *Макарцев М.М.* Чи съ живи фанъли, чи съ мъртви пусътли – несвидетельские формы как маркер конца текста // И.А.Седакова и др. (ред.), Доклады российских ученых. X Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24–26 сентября 2009 г.). СПб., 2009. С. 198–216.
9. *Макарцев М.М., Жерновенкова Т.Г.* Болгарский язык. Справочник по грамматике. М., 2010а. 223 с.
10. *Макарцев М.М., Жерновенкова Т.Г.* Справочник по глаголам. М., 2010б. 223 с.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асенова 2002 — П. Асенова. Балканско езикознание. Велико Търново, 2002. (Первое издание: П. Асенова. Балканско езикознание. София, 1989.)
2. Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Т.Г.Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I. Тбилиси, 1984.
3. Козинцева 1994 — Н.А.Козинцева. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания, № 3, 1994. С. 92–104.
4. Конески 1967 — Б. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967.
5. Станков 1967 — В. Станков. Категории на индикатива в съвременния български език // Български език № 17, 1967. С. 330–44.
6. Топоров 1994 — В.Н.Топоров. О мифопоэтическом пространстве. (Studi slavi, № 2.) Pisa, 1994.
7. Усикова 2003 — Р.П.Усикова. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.
8. Фридман 2009 — В. Стојчевска Антиќ (ред.). Делото на академик Виктор Фридман. Скопје, 2009.
9. Цивьян 1973 — Т.В.Цивьян. Сюжет «приход мертвого брата» в балканском фольклоре (к анализу сходных мотивов) // Труды по знаковым системам VI. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 308.) Тарту, 1973.

10. Цивьян 1990 — Т.В. Цивьян. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. (переиздания: Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005; М., 2007).
11. Aikhenvald 2004 — A. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, 2004.
12. Aikhenvald 2003 — A. Aikhenvald. Evidentiality in typological perspective // A. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Studies in evidentiality. (Typological Studies in Language 54.) Amsterdam – Philadelphia, 2003.
13. Chafe, Nichols 1986 — W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
14. Guentchéva 1996 — Z. Guentchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996.
15. Guentchéva 2007 — Z. Guentchéva, Landaburu, J. (eds.). L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes, Louvain/Paris/Dudley/MA, 2007.
16. Johanson, Utas 2000 — L. Johanson, B. Utas. (eds.). Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages (Empirical approaches to language typology 24). Berlin, New York, 2000.
17. Joseph 2003 — B.D. Joseph. Evidentials: Summation, questions, prospects // A. Aikhenvald and R.M.W. Dixon (eds.). Studies in Evidentiality. (Typological Studies in Language 54.) Amsterdam, 2003. P. 307-327.
18. Dendale, Tasmovski 2001 — P. Dendale, L. Tasmovski (eds.). Journal of pragmatics, № 33, 2001.
19. Sandfeld 1930 — K. Sandfeld. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930.
20. Wiemer, B. und V.A. Plungjan (Hg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. München – Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72).
21. Weigand 1924 — G. Weigand. The Admirative in Bulgarian // The Slavonic Review, № 2, 1924. P. 567-68. См. также: G. Weigand. Der Admirativ im Bulgarischen // Balkan-Archiv. Fortsetzung des Jahresberichtes des Instituts für rumänische Sprache. I Band. Leipzig, 1925. S. 150–152.

Подписано в печать 16.02.2010
Объем 1 п.л. Тираж 100 экз.
Компьютерный центр ИСл РАН – ritlen@mail.ru